

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

О.М. Ардашкина

АКТУАЛИЗАЦИЯ РОЛИ АРХИВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД¹

Рассматриваются подходы к определению архива. Отмечается сложившееся многообразие интерпретаций архива, которые демонстрируют широкую распространенность данного феномена в различных социальных практиках. Аргументируется необходимость разработки подхода к пониманию архива, позволяющего рассматривать многообразие интерпретаций архива, в качестве источника саморазвития человека. Автор в качестве возможного теоретического основания такого подхода рассматривает концепцию коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса.

Ключевые слова: архив, институт, власть, законодательный акт, исторический документ, источник самоактуализации.

Философское осмысление какого-либо предмета исследования всегда демонстрирует не только значимость изучения последнего для общества, но также показывает определенный уровень качества его изучения. Философский подход позволяет достигнуть глубокой степени постижения объекта, интегрировать интенции междисциплинарных исследований. Именно по этой причине возникает потребность обращения к архиву как понятию и феномену (но не в феноменологическом плане) с позиции философии, к осмыслению последнего как целостного начала.

Данная потребность вызвана тем разрывом, который сложился в отношении между интерпретацией архива в существующих философских концепциях (в частности, М. Фуко и т.д.) и теми социальными практиками, где роль архивов изменилась. Речь идет о социальных практиках, в которых в силу разных причин (информатизации, когнитивизации, глобализации и т.д.) трансформируется роль человека в обществе, осложняются процессы его идентификации, коммуникации, память «демократизируется», перестает оставаться привилегией историков. Архив в системе происходящих трансформаций обретает множественность проявлений своих интерпретаций и функционирования, что затрудняет понимание его роли для человека и общества. Архив – это и сбор, обработка и хранение документов, это и «историческое априори дискурсивных практик», это и технология (средство) обработки информации (компьютер), это одна из составляющих социальной памяти и т.д.

Очевидно, что архив играет важнейшую роль для памяти в ее социальном, индивидуальном, коллективном, историческом, судебном и т.д. проявлениях. Также очевидно, что подобное значение предполагает и определенные потестарные (властные) возможности социального влияния. Столь же

¹ Публикуется при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.».

очевидно, что в зависимости от того, какой тип общества (авторитарный или демократический) преобладает в тот или иной исторический период, по-разному будет проявляться роль архива для человека. И не менее очевидно, что использование информационных технологий в общественной жизнедеятельности значительно меняет сущность и механизмы функционирования самого архива. Поэтому обозначенная ситуация представляется автору тем побуждающим мотивом, который требует обращения к осмыслению роли архива для современного общества в рамках философского анализа.

Необходимость концептуального философского подхода к исследованию архива как понятия и феномена, его роли для общества обусловлена еще и тем, что в наиболее значимых отечественных философских энциклопедиях и словарях не дается его дефиниции в качестве самостоятельного термина. Об архиве есть статьи в специальных философских словарях, посвященных отдельным философским традициям и направлениям (например, в словаре терминов постмодернизма И.П. Ильина [1]), либо в рамках статей, отображающих содержание философского творчества определенных философов (М. Фуко, например).

Следует сказать, что философское изучение архива затруднено тем, что на протяжении существования данного института действительно постоянно трансформировалось его предназначение. Так, если сегодня архив институционально, выражаясь словами В. Подороги, представляет собой «собрание и хранилище следов времени прошлого, исторически пассивных и даже мертвых» [2], тогда как в исторически более ранние времена (до XIX в.) архивы представляли собой документальные хранилища различных юридических документов. Как пишет В. Эрнст, «до того как архивы были освоены историками, они служили исключительно законодательной и юридической практике; специалист по истории Средневековья Хартман Букманн называет архивы в эпоху, предшествующую Новому времени, «арсеналом законников» [3].

По этой причине использование устоявшегося термина «архив» будет носить эпизодический смысл, поскольку нет никакой гарантии того, что в последующую эпоху это значение не изменится. Его философское осмысление может сформировать такой контекст рассмотрения понятия, в рамках которого вполне допустимо совмещение множественности интерпретаций через выявление их общего генезиса. Как, например, удалось такого рода подходы сформировать относительно таких понятий, как истина, рациональность и т.д. Другое дело, что автор не претендует на разработку такого подхода в рамках статьи, но стремится доказать, что это актуально и для этого есть все основания.

В таком случае естественно будет обратиться к этимологии понятия «архив» как естественного способа определения его первоначального значения. Как гласит этимологический словарь М. Фасмера, архив «от лат. *archium* (*archivium*) из греч. *αρχεῖον* «присутственное место», от *αρχή* «власть». В русск. слово «архив» появилось при Петре I, заимств. из лат. через нем. *Archiv*» [4]. Учитывая, что в отечественной традиции присутственное место (присутствие) понималось не просто в качестве некоторого пространственного воплощения пребывания кого-то в определенный момент времени, а как

орган государственного управления (обычно коллегиальный), то очевидна связь использования архива как функции какой-либо властной структуры, как функции проявления властного начала (архэ). Не случайно Ж. Деррида в одной из своих работ предполагает, что архивы впервые возникли вместе с появлением государств, где существовала письменность, и находились там же, где находилась власть [5]. В то же время Ж. Деррида подчеркивает, что «архэ» как протоначалю выступает в двойственном значении, что также сказывается на понимании архива. Для него «архэ» (власть) выступает в качестве чего-то, идущего от природы, бытия, того, что не зависит от человека (первоначало в космогических и теогонических вариациях), а, с другой стороны, последнее выступает в качестве того, как это первоначало будет интерпретировано человеком, как будет понято (первоначало как закон, договор). Он пишет: «Напомним: слово "архэ" одновременно отсылает нас и к установлению, и к заповеди. Это слово явно соотносит два принципа: первоначало, принадлежащее природному миру или истории, собственно то, "откуда есть пошла" та или иная вещь, – и в этом случае мы имеем дело с физическим, историческим или онтологическим принципом; но также это слово соотносено с законом, с тем, что "заповедано" людям богами, т.е. с проявлением власти или социального порядка, представленного как сие место, где дано то или иное устройство, – и тогда перед нами принцип номологический» [5. С. 9].

Таким образом, архив институционально был востребован властным (потестарным) началом, использовался в качестве инструмента этой власти, механизма ее влияния. Кстати, естественным выглядело и то, как исторически менялось его понимание. Вполне очевидно, что для власти в традиционном обществе архив выступает в качестве источника подтверждения неизменности ее господства (это должны подтверждать те законодательные акты, которые хранились в архивах, причем хронология поступления актов не имела существенного значения). Совсем другое дело, когда формируется общество Нового времени (общество эпохи модерна), ориентированное на прогресс, на определенную динамику, которая должна актуализировать вопросы преемственности развития, вопросы памяти в новом качестве (по поступательному принципу). В это время соответственно становится значимым для власти (потестарных структур) управление динамикой общественного развития, предполагающей и динамику всех сторон жизнедеятельности общества (в том числе и законодательной). Отсюда и актуализация роли архива как системы упорядочивания (управления) различных исторических документов. В условиях динамики современного общества любой документ может приобрести историческую ценность.

Сегодня мировое сообщество (мировая цивилизация) пребывает в переходном состоянии, схожем, с одной стороны, с той модернизацией, которая осуществлялась между традиционным и индустриальными обществами, между Средневековьем и Новым временем. С другой стороны, есть ощущение, что «новая модернизация» окажется намного более глубокой, радикальной для общества, нежели предыдущая. И, соответственно, вполне очевидно, что в этих условиях может измениться система власти (потестарные структуры), а, следовательно, значение архива для человека и общества.

Именно осознавая подобную тенденцию развития общества, социальных институтов, в свое время (60–70-е гг. XX в.) М. Фуко сформулировал концепцию архива, позволяющую выразить последний в качестве предмета философского исследования, получившего универсальное общественное значение.

Архив заинтересовал М. Фуко как генетически обусловленный властный феномен. Для него власть – это сила, которая представлена не только через традиционно воспринимаемые механизмы (право, авторитет, харизма и т.д.), а как тотально присутствующее явление в культуре, обществе, человеке. Следовательно, и архив, неизменно сопутствующий властным интенциям, так же тотально пребывает в мире (даже там, где человек и «не подозревает» об этом). На основе этой идеи М. Фуко выстраивает концепцию условий функционирования знания (любого знания), которое всегда является следствием различных властных механизмов. Эпистемология у Фуко – это своеобразная политика, так же как и политика – это своеобразная эпистемология. Как пишет А.С. Колесников, «актуализируя вопрос об ответственности перед миром и обществом, М. Фуко стремится обнаружить и показать "очаги власти" повсюду – в семье, в больнице, в тюрьме и, помимо этого, формировать общественное мнение и этим бороться с властью.

Знание никогда не бывает "чистым", ибо оно всегда строится "по канве" властных отношений, как не существует чисто негативной, чисто репрессивной власти: механизмы власти всегда позитивны и продуктивны. Знание никогда не может быть "незаинтересованным": знание – это и зло и сила, оно одушевлено страстями, инстинктами, побуждениями, желаниями и насилием. Власть порождает знание, а знание есть власть» [6. С. 21].

Подобная идея порождает абсолютно нетрадиционное понимание архива, которое фактически не имеет никакого отношения к практике архивного дела, к реалиям архива как социального института. Для М. Фуко архив выступает в качестве основания знания (культуры), в качестве того, без чего ни знание, ни культура, ни какая-либо другая материализуемая и нематериализуемая система не могут функционировать. Для него архив – это основа основ, это определяющее начало, принцип, закон, о которых, правда, ничего сказать нельзя, которые нельзя сделать предметом рефлексии. Выражаясь словами М. Фуко, «под этим словом я не подразумеваю суммы всех текстов, сохраненных определенной культурой в качестве документов ее собственного прошлого или как свидетельство ее неизменной тождественности. Я также не подразумеваю под ним социальных институтов, позволяющих зарегистрировать и сбросить в том или ином обществе дискурсы, о которых хотят оставить память и беспрепятственное распоряжение которыми хотят сохранить» [7. С. 247–248]. Поэтому «архив – это прежде всего закон того, что может быть сказано, это система, управляющая появлением высказываний как единичных событий. Однако архив – это еще и то, благодаря чему все это сказанное не нагромождается друг на друга в виде аморфного множества, не вписывается в линейность, не имеющую разрывов, и не исчезает по воле внешних обстоятельств» [7. С. 248].

Архив лежит в основе языка, высказываний, дискурсов (совокупности высказываний), он определяет те правила, по которым, как полагает М. Фуко,

функционируют язык и высказывания, следовательно, и культура. Получается, что властная природа архива заключается не только в механизме сбора, обработки, хранения и применения определенных документов, но и в более тотальном проявлении – в речи, знании, поведении. Человек, в отдельности, общество и культура живут по тем основаниям, которые задает архив эпохи этих систем. М. Фуко допускает то, что механизмы формирования и функционирования высказываний, знания могут исторически меняться, но подспудно это определяется сменой архива. Как пишет И.П. Ильин относительно концепции архива французского философа, «каждая историческая эпоха обладает ей присущим "архивом", утверждающим свою оригинальность и неповторимость и "аннулирующим" свое происхождение и дальнейшую судьбу: ему на смену придет другой "архив", который также "забудет" о своем предшественнике» [8. С. 64].

Архив предстает в качестве основания, если можно так сказать, «нулевого» археологического пласта, на который в дальнейшем по правилам организации первого наслаиваются остальные слои. И так происходит до тех пор, пока не закончится наполняться одна система напластований, пока не закончит работать механизм ее формирования. Далее образуется новое основание, которое уже по своим правилам начинает собственную систему организации пластов (высказываний и т.д.). Архив – это то, что порождает системы высказываний (знаний, культур), и то, что их «убивает».

Как уточняет сам М. Фуко, архив «не представляет собой уютного забвения, которое открывает любому новому слову поле осуществления его свободы; между традицией и забвением он выявляет правила той практики, которая одновременно позволяет высказываниям и оставаться неизменными, и постоянно видоизменяться. Это общая система формирования и преобразования высказываний» [7. С. 250].

Можно сказать, что архив предстает в качестве центрального понятия философии М. Фуко. Это косвенно показывает значимость данной темы, важность осмысления такого понятия. Отчасти концепция архива М. Фуко позволяет решить вопрос о разности интерпретации архива (как хранилища законодательных актов, как хранилища исторических документов и т.д.), поскольку французскому философу удается придать архиву универсальное значение, которое как любая философская категория, обладает высокой степенью абстракции. Поэтому вне зависимости от конкретного исторического воплощения практики архив обретает неизменное звучание. Он везде выступает как основа основ (в концепции Фуко как источник дискурсивных практик, систем высказываний). В его функционировании, правда, присутствует двойственность – двойственность технологического плана: архив позволяет дискурсам оставаться неизменными и одновременно постоянно видоизменяться. Но такого рода двойственность свойственна многим философским категориям. Например, в эпистемологии истина может рассматриваться и в качестве результата познания (само знание), и в качестве процесса познания (осуществление познавательных действий для получения нового знания); в древнегреческих космогониях (у Гераклита огонь и прародитель мира, и источник его гибели) и т.д.

Но сегодня концепция архива М. Фуко, несмотря на ее достаточно оригинальное содержание, не может в полной мере быть использована для интерпретации социальных процессов. Нет, она многое объясняет и даже очень эффективно, но этих объяснений уже недостаточно. Как говорится, недостатки человека есть продолжение его достоинств, так и в случае с архивом: универсальная роль архива как фактора социального развития порождает один очень важный недостаток – внеисторичность понимания архива, как следствие, отсутствие человека (действующей исторической личности) в этой концепции М. Фуко. А человека там действительно нет (либо он есть, но как «заложник» той системы дискурсов, которую порождает архив). Человека здесь нет как конкретно существующего в определенную историческую эпоху начала. Учитывая, что современная эпоха – это эпоха, где жизнь ускоряется, набирает все большие обороты движения, архив во внеисторическом понимании концепции М. Фуко, действительно, «убивает» человека как духовное существо (отсюда не случайна идея Фуко о «смерти автора»). Человек будет выступать в качестве безропотного «робота», основная функция которого воспроизводить те или иные дискурсивные практики, заданные архивом эпохи. Отчасти это признает и сам М. Фуко: «Мы не можем описать наш собственный архив, поскольку мы говорим только внутри него, подчиняясь его правилам, поскольку только он дает тому, что мы можем сказать, – и себе самому, объекту нашего дискурса, – свои способы появления, свои формы существования и сосуществования, свою систему накопления, историчности и исчезновения» [7. С. 250].

Концепция архива М. Фуко предполагает лишение человека памяти (социальной и индивидуальной), поскольку ограничивает его власть над ней. Казалось бы, человек вправе сам определять, что ему следует помнить, а что следует забыть. Исторически первая трактовка архива как раз и демонстрирует право человека (человека в социальном плане) на такого рода память. Память здесь является компетенцией традиции, которая реализовывалась через устную трансляцию необходимой информации от поколения к поколению (архив как хранилище законодательных актов играет здесь вспомогательную роль, поскольку в традиционном обществе актуализация настоящего осуществляется через прошлое, через его воспроизводство здесь и сейчас).

В Новое время память становится потребностью не только социума, но и индивидуума (личности), что уже сложно посредством механизма устной трансляции использовать в процессе жизнедеятельности. Индивидуальная память актуализирует настоящее, но не столько само по себе, сколько в качестве связывающего прошлое и будущее звена. Отсюда и институциональный рост архивов, и рост исторических документов. Но современное ускорение жизни фактически сокращает настоящее, актуализируя его ценность для человека. А в концепции архива М. Фуко человек утрачивает настоящее в силу природы архива, который элиминирует для человека настоящее. Эту особенность концепции архива Фуко подмечают многие исследователи. В частности, И. Прохорова констатирует, «от того, каким образом архивировано, то есть структурировано, институционализировано, прошлое, непосредственно зависит настоящее и будущее. Не случайно понятие архива стало центральным для философской системы Мишеля Фуко: архив у него управляет систе-

мой высказываний, их продуцированием, позволяет не "сохранить" или "воскресить" традицию, а выявить ограничения нашего собственного мышления: "это кромка времени окружающая наше настоящее, нависающая над ним и указывающая на него в его изменчивости, это то, что, находясь вне нас, нас ограничивает"» [9].

Кроме того, проецирование концепции архива М. Фуко на будущее также не дарит перспективы «обретения памяти» человеком. Его понятие «дисциплинарная власть» предполагает осуществление властных полномочий в контексте определенной социальной дифференциации. В отношении архива это может означать, что он изначально использовался нотариусами, далее – историками, а в контексте тенденций современного развития предполагается, что он попадает в компетенцию программистов. Иными словами, всегда будет какая-то социальная группа, которая будет определять приоритеты и параметры использования памяти. И главное, это будет происходить по причине схемы действия избранной Фуко парадигмы – парадигмы одностороннего воздействия механизмов власти на жизнедеятельность человека. Поэтому Ю. Хабермас критически оценивает парадигмальную установку М. Фуко, предлагая ее изменить: «Парадигма познания предметов должна смениться парадигмой взаимопонимания между субъектами, способными рассуждать и действовать» [10. С. 306].

Продолжая идею Ю. Хабермаса, хочется действительно признать, что архив в понимании М. Фуко выступает как препятствие на пути самопознания для человека. Ведь «обретение памяти» человеком означает обретение себя, приближение к себе, открытие себя и своей перспективы (своего будущего). Обретение же в памяти «Другого» (как Фуко обозначает архивы иных эпох, которые его концепция архива вполне позволяет понять человеку) выступает аналогом того, что в классической эпистемологии считается объективной истиной. Получение такой истины было возможным только через процесс элиминации субъекта из содержания полученного знания. Знание получалось более-менее объективным, но абсолютно бессмысленным для человека, «мертвым и холодным».

Используя же идею Ю. Хабермаса о мировосприятии (познании) как процессе взаимопонимания субъектами друг друга, хочется предположить, что память (а через нее и архив) должна выступать не в качестве критерия подтверждения объективности того или иного знания, высказывания (по Фуко), а как то пространство и средство, которые толкают человека интересоваться другим, стремиться понимать его. Это делается человеком не для установления конечной истины, данной раз и навсегда, а для собственного «обогащения и развития». Архив для человека – это не только инструмент влияния, управления им, но и инструмент его развития.

Архив помогал человеку, обладающему властью, подтвердить необходимое, если устной традиции было недостаточно, когда представлял собой «хранилище законодательных актов»; архив помогал власти интерпретировать то или иное объяснение событий, когда стал представлять собой «хранилище исторических документов»; но архив может помогать и человеку, подтверждая необходимые для последнего сведения (трудовой стаж, исторические сведения, семейную генеалогию и т.д.). Иными словами, не только ар-

хив может влиять на человека, но и человек может оказывать свое воздействие на него, превращая последний из источника власти потестарной структуры высказывания, языка, социума в источник саморазвития, источник коммуникативного взаимодействия. Если человек не равнодушен к себе, если он не потерял еще себя и не хочет этого, то, значит, процесс обретения себя возможен, в том числе и через архив (память), через обретение права им пользоваться, за право участвовать в его функционировании.

Такая концепция архива необходима, что подтверждают мнения других исследователей, обращающиеся к этой теме. В частности, В. Подорога вообще полагает, судя по названию его работы, необходимость формирования соответствующего философского направления – философии архива. С его точки зрения, следует согласиться с М. Фуко в том, что архив действительно обладает мощной конституирующей силой влияния на общество в целом и человека в отдельности: но наличие такого рода влияния не исключает обратного влияния на архив как протоструктуру человеческой культуры (языка, речи, поведения). По мнению В. Подороги, нет единого архива, их всегда два (здесь есть определенный параллелизм с Фуко, но не по существу): архив посмертный (*post mortem*) и архив прижизненный. Эти архивы выражают разное время. Второй – субъективно переживаемое, психическое, первый – объективное, или историческое. Это разные времена, поэтому их функции разные. «Ведь если первый абсолютно инертен и пассивен, то второй, напротив, активен, жизнен, хотя и не обладает никакой достоверностью документа» [2].

Но главное, что взгляд В. Подороги на архив как двойственную структуру позволяет использовать архив как инструмент саморазвития человека. По крайней мере, одну из выделяемых структур. Как пишет В. Подорога, «там, где наше "я" господствует безраздельно, ибо материалы прижизненного архива только и существуют потому, что указывают на того, кто над ними осуществляет свою волю к воспоминанию» [2].

Рассматриваемая тема актуализируется еще существеннее, если упомянуть процессы информации, которые активно внедряются в практику функционирования архивов. Информационные технологии в сфере архивов, где и сам архив становится информационной технологией, делают последние онтологически тотальной сферой, изменяя в том числе и характер властных отношений. Констатация этой идеи не предполагает подробного рассмотрения в рамках данной статьи, но позволяет подчеркнуть, что двойственность архивов, их влияние на человека и общество требуют действительно полноценного философского осмысления, а именно это автор и хотел показать в работе. Поэтому процессы информатизации, столь же неоднозначные по своему влиянию, только лишь осложняют не только понимание того, что такое архив, но и вопросы, связанные с осмыслением его роли для человека, общества, культуры (с одной стороны, доступность, открытость, динамизм, которые они несут пользователю, с другой стороны, деперсонализация, отчуждение, вредность для здоровья, манипулятивность, также исходящие от них).

Возможность понимания архива как источника господства над человеком и как источника его самоопределения и развития не может ограничиться только констатацией указанных позиций, что на данный момент, по крайней мере, в отечественной философии обозначено. Требуется уточнение того, как

эти позиции соотносятся между собой, как возможно взаимодействие между ними. Важно уточнить, как различается влияние архива (архивов) на индивида и на социум, как происходит интеграция процессов воспоминания и как расщепление и т.д. Еще раз подчеркну, что процессы информатизации также заставляют задаться вопросом о своем влиянии на архивы, не отменяя необходимости поиска ответов на вышестоящие вопросы.

Таким образом, необходимость философского осмысления роли архива для современного общества действительно востребована. И востребована, выражаясь словами Ж. Дерриды, потому что «архив – это не проблема нашего прошлого, не проблема концептуализации еще нам доступного или уже недоступного прошлого, т.е. архивирующей концепции архива, но проблема нашего будущего, пожалуй, центральный вопрос будущего, вопрос об ответе, обещании и ответственности за будущее» [Цит. по 9]. И добавлю: архив – это неисчерпаемый источник самоактуализации себя.

Литература

1. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов // Национальная философская энциклопедия // [Электронный ресурс]. – URL: <http://terme.ru/dictionary/179/word/archiv> (дата обращения: 23.01.2013).
2. Подорога В. К философии архива // Индекс. 2001. №14 // [Электронный ресурс]. – URL: <http://index.org.ru/journal114/podoroga1401.html> (дата обращения: 20.01.2013).
3. Эрнст В. Архивация: архив как хранилище памяти и его инструментализация при национал-социализме // Новое литературное обозрение. 2005. №74 // [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/ern9.html> (дата обращения: 22.01.2013).
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2012 // [Электронный ресурс]. – URL: <http://onlinedics.ru/slovar/fasmer/a/aarxix.html> (дата обращения: 18.01.2013).
5. Derrida J., Prenowitz E. Archive Fever: A Freudian Impression // *Diacritics*. 1995. Vol. 25, №2. P. 9–63.
6. Колесников А.С. Мишель Фуко и его «Археология знания» // Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. С. 5–30.
7. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
8. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 253 с.
9. Прохорова И. Предисловие // Новое литературное обозрение. 2005. №74 // [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/pro1.html> (дата обращения: 22.01.2013).
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.